

■ ■ ■ Интересы к власти: структура и коммуникационные аспекты

Макаров А.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В статье рассматривается структура интересов к власти студентов, готовящихся к профессиональной деятельности в системе публичной власти, и коммуникационные условия, в которых эта структура складывается. Образовательное воздействие достигает обучающегося не напрямую: аудиторные и внеаудиторные форматы передают определённые смыслы – через экспертную коммуникацию практиков, разбор профессиональных случаев, обратную связь и горизонтальное общение в совместной деятельности. Цель исследования – установить, как изменяется соотношение мотивов власти и социальных ориентаций у потенциальных политических лидеров в процессе обучения и в последующей профессиональной деятельности и какие коммуникационные форматы связаны с удержанием общественно значимого компонента этой структуры. Приводится авторское определение интереса к власти, обосновывается двухкомпонентная структура категории, объединяющая мотивы власти и социальные ориентации. Эмпирическую базу составило панельное лонгитюдное исследование 2017-2026 гг. на образовательной программе бакалавриата направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» (профиль «Внутренняя политика и лидерство»): шесть последовательных когорт, 360 респондентов, метод парных сравнений. Девятилетнее наблюдение показало, что структура интересов к власти не остаётся постоянной: рост общественно значимых элементов в первой половине обучения сменяется их эрозией во второй, а сложившийся к выпуску профиль воспроизводится в первые годы профессиональной деятельности.

Ключевые слова: интересы к власти, мотивы власти, социальные ориентации, образовательная коммуникация, коммуникационные технологии подготовки кадров, профессиональная социализация, лонгитюдное исследование, метод парных сравнений

Для цитирования: Макаров А.В. Интересы к власти: структура и коммуникационные аспекты // Коммунология. 2026. Том 14. № 3 С. 22-37. DOI 10.21453/2311– 3065-2026-14-3С. 22-37.

Сведения об авторе: Макаров Андрей Викторович – администратор программы «Внутренняя политика и лидерство», преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления РАНХиГС. ORCID: 0009-0002-0571-403X. E-mail: makarov-anv@ranepa.ru. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1.

Статья поступила в редакцию: 23.07.2026. Принята к печати: 16.09.2026.

Конфликт интересов: отсутствует.

Благодарности и вклад автора: автор благодарит И.В. Комара за многолетнее участие в организации и проведении диагностических срезов лонгитюдного исследования (2017-2020). Постановка задачи настоящей статьи, анализ представленных данных, интерпретация результатов и текст выполнены автором единолично.

Введение. Запрос на управленческие кадры, ориентированные на государственные и общественные интересы, получил в последние годы практическое воплощение в масштабных конкурсных механизмах кадрового отбора, охватывающих сотни тысяч участников. Управление системой такого отбора стало предметом самостоятельного научного исследования [Комиссаров 2023]. Вместе с тем возможности любой разовой оценочной процедуры ограничены. В ситуации оценивания участник склонен давать социально одобряемые ответы, что снижает достоверность диагностики мотивации. Кроме того, оценка фиксирует мотивационно-ценностный профиль кандидата в одной точке времени, тогда как сам этот профиль изменчив.

Мотивация людей, уже действующих в системе публичной власти, составляет устойчивый предмет российской политической социологии. Многолетний опыт эмпирического изучения власти в городских сообществах систематизирован В.Г. Ледяевым [Ледяев 2012]. Наиболее содержательные результаты последних лет получены на материале действующих руководителей: исследования А.Е. Чириковой, опирающиеся на глубинные интервью с главами муниципальных образований и охватывающие около пятнадцати лет наблюдений, показали, что в мотивационном профиле состоявшихся глав городов ведущие позиции занимают мотивация достижения и интерес к самой управленческой деятельности, а сам профиль подвижен и чувствителен к управленческому контексту [Чирикова 2024а: 165-183; 2024б: 105-154].

Значительно слабее изучен этап, предшествующий вхождению в систему публичной власти. По мнению автора, определяющее влияние на формирование структуры интересов к власти оказывает период обучения в высшем учебном заведении: студент уже находится в возрасте, позволяющем осознавать значимость государственных и общественных интересов, а структура его мотивов власти и социальных ориентаций ещё сохраняет восприимчивость к изменениям. Имеющиеся исследования студентов направления «Государственное и муниципальное управление» выполнены преимущественно в срезовом дизайне: они фиксируют состояние социальных ориентаций и мотивов одной совокупности в одной точке времени и по своей конструкции не способны ответить на вопросы о динамике. Между тем именно вопросы динамики имеют наибольшую ценность для исследования и для подготовки потенциальных политических лидеров к профессиональной деятельности. Устойчива ли структура интересов к власти, с которой абитуриент входит в профессиональную подготовку? Существует ли типовая траектория её изменения за годы обучения? Закрепляется ли состояние этой структуры, сло-

жившееся к выпуску, в последующей профессиональной деятельности? Ответы на представленные выше вопросы определяют вектор развития технологий целенаправленного образовательного воздействия на структуру интересов к власти у потенциальных политических лидеров. Разовая оценка кандидата, сколь бы точной она ни была, фиксирует лишь начальное состояние динамического процесса. Для коммуникологии этот предмет значим по двум основаниям. Структура интересов к власти влияет на имидж политического лидера и определяет особенности его коммуникации с обществом [Макаров, Комар 2024: 133-148], а сама социальная коммуникация власти и общества входит в предмет коммуникологии [Шарков 2023]. Второе основание касается механизма, которым эта структура складывается. Любое образовательное воздействие – лекция, проект, стажировка, разговор с наставником – достигает студента через коммуникацию: смыслы служения, общественной полезности и ответственности передаются не самим фактом участия в деятельности, а тем, как эта деятельность объясняется, обсуждается и оценивается. Ф.И. Шарков показал, что в информационном обществе власть реализуется через коммуникационные системы, обеспечивающие артикуляцию и согласование интересов социальных групп в публичном пространстве [Шарков 2023]. Применительно к этапу профессиональной подготовки это означает, что представление будущего управленца о том, на чьи интересы должна работать власть, складывается в коммуникативном пространстве образовательной программы.

Настоящая статья представляет результаты лонгитюдного исследования, направленного на поиск ответов на перечисленные вопросы. Панельное наблюдение ведётся с 2017 года на одной образовательной программе подготовки кадров для сферы внутренней политики. К 2026 году накоплены полные учебные траектории шести последовательных когорт и постдипломные замеры для четырёх из них. Насколько известно автору, по сочетанию длительности наблюдения, числа когорт и предмета, структуры мотивации власти, в отличие от академической мотивации и общих ценностных ориентаций, исследование не имеет прямых аналогов в отечественной литературе.

Теоретические основания исследования

Предметом исследования выступает структура интересов к власти. Под интересом к власти понимается отношение субъекта к условиям завоевания, удержания и реализации власти, детерминированное его потребностями. Категория опирается на социологическое разграничение потребности и интереса, введённое А.Г. Здравомысловым: потребность направлена на предмет своего удовлетворения, тогда как интерес на социальные условия и институты, от которых зависит доступ к этому предмету [Здравомыслов 1986]. Применительно к профессиональной политической деятельности такое понима-

ние интереса операционализировано В.А. Пызиным [Пызин 1990]. Отсюда следует и различие категорий мотива и интереса по их локализации. Мотив, в традиции А.Н. Леонтьева, локализован в субъекте: это опредмеченная потребность, побуждающая деятельность [Леонтьев 1975]. Интерес локализован на стыке субъекта и социальной структуры: он фиксирует позицию субъекта по отношению к условиям деятельности. Категория интереса к власти, таким образом, шире категории мотива власти и включает её в свой состав.

Строение данной категории выводится из двух независимых теоретических традиций. Диспозиционная концепция В.А. Ядова показывает, что регуляция социального поведения многоуровневая: предметная направленность активности и её соотнесение с социальным целым принадлежат разным уровням диспозиционной иерархии и не сводятся друг к другу [Ядов 2013]. Психология мотивации приходит к тому же выводу с другой стороны: по В.К. Вилюнасу, актуальное побуждение рождается во взаимодействии устойчивых мотивационных отношений личности с условиями ситуации, опосредуясь отношением субъекта к этим условиям [Вилюнас 1990]. Побуждение, взятое само по себе, не определяет социальной направленности деятельности: один и тот же мотив может реализовываться в противоположных социальных направлениях. На этих основаниях автор выделяет в структуре интересов к власти два компонента. Первый компонент – мотивы власти, опредмеченные потребности, побуждающие к властной деятельности. Используемая классификация включает шесть элементов: инструментальный мотив (власть как средство обеспечения внешних условий существования), мотив самореализации (утверждение в решении содержательных задач), компенсаторный мотив (преодоление внутренних дефицитов), мотив самоутверждения по принципу превосходства, мотив самоутверждения по принципу ощущения своей полезности (пассионарный мотив) и мотив ответственности (предотвращение предвидимого ущерба для социального целого) [Макаров, Комар 2024]. Второй компонент – социальные ориентации: устойчивые предпочтения субъекта относительно того, на чьи интересы работают условия властной деятельности. Категория социальной ориентации восходит к высшему, ценностному уровню диспозиционной иерархии и применительно к профессиональной политической деятельности операционализирована В.А. Пызиным в виде трёх типов направленности: личной, государственно-общественной и государственно-корпоративной [Пызин 1990]. Замер одних мотивов оставлял бы направленность деятельности неопределённой, а замер одних ориентаций лишал бы картину побудительного основания, этим и продиктована необходимость совместной фиксации обоих компонентов.

У коммуникативного измерения интересов к власти есть и более общее теоретическое основание. П. Бурдьё описывал символическую власть как способность формировать категории восприятия социального мира; воспроизводится она через язык, образование и повседневные практики и действует

тем эффективнее, чем меньше осознаётся как власть [Бурдые 2007: 87-96]. Образовательная программа в этом смысле представляет собой организованное символическое пространство: она задаёт словарь, которым будущий управленец описывает собственную профессию, и образцы, с которыми он себя соотносит. В современных работах академическая среда описывается как образовательно-коммуникационное пространство [Орлова, Фокина, Чернышов 2026: 183-198]. Социальные ориентации, второй компонент структуры интересов к власти, формируются в этом пространстве раньше, чем студент получает возможность проверить их на практике.

Элементы структуры интересов к власти занимают в ней неодинаковое положение: часть элементов доминирует и оказывает большее влияние на поведение личности, чем остальные, что придаёт структуре иерархический характер. По доминирующему компоненту различаются два полярных типа структуры: общественно значимая (ведущее положение пассионарного мотива и мотива ответственности при приоритете государственно-общественной направленности) и узко-личностная (доминирование инструментального мотива и мотива превосходства при приоритете личной направленности). Реальная структура интересов любого человека содержит элементы обоих полюсов. Предмет диагностики составляет их соотношение, а типологические суждения формулируются в языке доминирования.

Гипотеза о динамичности такой структуры в студенческом возрасте имеет двойное теоретическое основание. Отечественная психология мотивации со времён А.Н. Леонтьева рассматривает мотивационную сферу как развивающуюся систему: мотивы складываются, перестраиваются и меняют место в иерархии на протяжении всей жизни человека [Леонтьев 1975]. Х. Хекхаузен уточнил, за счёт чего такая перестройка возможна, разграничив устойчивые мотивационные диспозиции личности и их ситуативную актуализацию: устойчивое в мотивации проявляется только через конкретные ситуации и потому доступно влиянию среды [Хекхаузен 1986]. В.К. Вилюнас описал сами механизмы этого влияния, мотивационное обусловливание и опосредование, через которые новый значимый опыт порождает новые мотивационные отношения личности [Вилюнас 1990]. Наконец, теория социального инвестирования, обобщившая лонгитюдные данные о развитии личности во взрослом возрасте, указывает на главный источник такого опыта: принятие и добросовестное исполнение социальных ролей [Roberts et al. 2005: 166-184]. Период профессиональной подготовки приходится на раннюю взрослость, стадию, выделяемую в отечественной периодизации развития взрослого человека начиная с работ Б.Г. Ананьева [Ананьев 2001], и насыщен сменой социальных ролей плотнее соседних стадий. Ожидать стабильности структуры интересов к власти на его протяжении нет оснований.

Методология и методы

Исследование выполнено в дизайне лонгитюдного панельного наблюдения с межкогортным сопоставлением. Единицей наблюдения выступает студенческий поток (когорта набора). В исследование включены шесть последовательных когорт одной образовательной программы бакалавриата по направлению «Государственное и муниципальное управление» (наборы 2017-2022 гг., далее ОБ17-ОБ22; 360 респондентов). Для каждой когорты замеры проводились на каждом курсе обучения. Для когорт ОБ17-ОБ20 выполнены также постдипломные замеры через два года после выпуска, для ОБ17 и ОБ18 и через четыре. На каждом срезе проводился сплошной опрос всех обучающихся потока, что снимает проблему выборочной ошибки: полученные показатели являются параметрами совокупности и в поправках на выборочную ошибку не нуждаются. Замеры проводились в конце учебного года одним и тем же инструментом: неизменность методики с 2017 года обеспечивает сопоставимость срезов, а результаты первых замеров публиковались по мере их накопления [Макаров, Комар 2021].

Сензитивность предмета определила два ключевых методических решения. Первое анонимность: тема интересов к власти в высокой степени подвержена эффекту социальной желательности, особенно у респондентов, ориентированных на карьеру в системе публичной власти, и персональная идентификация бланков побуждала бы к корректировке ответов. Обратной стороной этого решения выступает отказ от построения индивидуальных траекторий: предметом анализа служит динамика потока как целого. Второе решение выбор инструмента. Прямые оценочные шкалы фиксируют преимущественно декларируемый слой мотивов власти и социальных ориентаций, тогда как политическое поведение, как показала Е.Б. Шестопал, определяется в том числе эмоциональными и неосознаваемыми компонентами личности [Шестопал 2018]. Для смещения замера к реально-действующему слою мотивации, мотивам, фактически управляющим выбором, в терминах А.Н. Леонтьева [Леонтьев 1975] использован метод парных сравнений, восходящий к процедуре сравнительных суждений Л. Тёрстоуна [Thurstone 1927: 273-286]. Респондент делает выбор в пятнадцати парах поведенчески конкретных формулировок, представляющих все сочетания шести мотивов власти, и в трёх парах, представляющих социальные ориентации. Принудительный выбор между равно приемлемыми альтернативами затрудняет распознавание социально одобряемого ответа. По частотам выборов рассчитываются доли каждого элемента, агрегируемые на уровне потока. Итоговыми индикаторами служат сводный показатель общественно значимых элементов (доли пассионарного мотива и мотива ответственности, усреднённые с долей государственно-общественных ориентаций) и симметричный сводный показатель узко-личностных элементов. Дополнительный контур защиты от социальной желательности создаёт сам предмет анализа: интерпретируются

изменения показателей между срезами, тогда как абсолютные уровни самостоятельной интерпретации не получают. Систематическое смещение ответов, в равной мере присущее всем срезам, при их сопоставлении взаимно погашается.

На контрольном срезе достоверность методики проверялась встроенной процедурой: наряду с самооценкой респонденты давали проективную оценку распределения мотивов у «типичного студента потока». Проективный формат, эксплуатирующий эффект ложного консенсуса [Ross et al. 1977: 279-301] и восходящий к логике проективных методов Л. Франка [Frank 1939: 389-413], даёт независимое приближение к групповому профилю. Расхождение агрегированных самооценок и проективных оценок не превышало 0,3 процентного пункта, что свидетельствует о достоверности получаемых данных.

Шкала парных сравнений ипсативна: сумма долей фиксирована, и рост одного элемента механически уменьшает остальные. К таким данным неприменимы стандартные параметрические критерии, исходящие из независимости измерений [Hicks 1970: 167-184]. В сочетании со сплошным характером опроса это определило стратегию анализа. В качестве консервативного правила интерпретации принят порог в 3-4 процентных пункта: сдвиги меньшей величины между соседними срезами содержательно не интерпретируются. Основанием выводов служат сдвиги, превышающие порог, однонаправленные изменения, воспроизводящиеся независимо в нескольких когортах, и устойчивые межпоточковые контрасты траекторий.

Когорты, при общности программы, инструментария и процедур, различались, нарастающей по мере развития программы, насыщенностью коммуникационной среды: объёмом внеаудиторного сопровождения и, соответственно, числом ситуаций, в которых студент получал профессиональные образцы, обратную связь и повод для обсуждения собственного профессионального выбора. Система студенческих департаментов и индивидуальные стажировки действуют на программе с 2017 года: поток ОБ17 застал эти форматы в начальном, ещё не систематизированном виде, потокам ОБ18-ОБ21 они были доступны фрагментарно. Набор ОБ22 обучался при полном составе внеаудиторных форматов: от отбора с диагностикой мотивационного профиля и системы студенческих департаментов до наставничества и групповых стажировочных программ на завершающем этапе. Обучение ОБ21 пришлось на период организационной нестабильности программы (повторный переход на дистанционный формат вскоре после набора, реструктуризация групп, смена руководства), ослабившей действие большинства форматов. Эти различия придают межкогортным сопоставлениям квазиэкспериментальный характер и используются ниже при интерпретации. Устройство самих форматов составляет самостоятельный предмет; ниже они рассматриваются только в коммуникационном срезе – со стороны того, какие смыслы и какими способами в них передаются.

Результаты

Динамика сводного показателя общественно значимых элементов по всем когортам и срезам представлена в таблице 1, узко-личностных элементов в таблице 2.

Таблица 1. Сводный показатель общественно значимых элементов структуры интересов к власти, %¹ / Aggregate indicator of socially significant elements of the structure of interests in pow, %

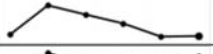
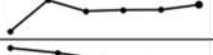
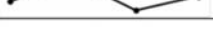
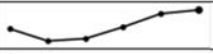
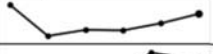
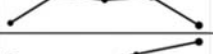
Когорта	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	+2 года	+4 года	Динамика
ОБ17	39,0	48,5	45,5	42,6	38,3	38,5	
ОБ18	36,1	51,8	46,3	46,9	47,0	49,5	
ОБ19	53,8	51,7	48,6	40,3	42,4	—	
ОБ20	41,9	43,7	43,0	45,2	46,9	—	
ОБ21	37,3	39,7	36,8	34,4	—	—	
ОБ22	45,4	48,3	44,2	46,1	—	—	

Таблица 2. Сводный показатель узко-личностных элементов структуры интересов к власти, %² / Aggregate indicator of narrow-personal elements of the structure of interests in power, %

Когорта	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	+2 года	+4 года	Динамика
ОБ17	29,4	23,8	24,9	30,3	36,5	38,2	
ОБ18	22,5	15,9	17,2	17,1	18,6	20,6	
ОБ19	22,2	18,6	20,2	29,8	27,3	—	
ОБ20	18,7	24,5	23,3	23,9	18,3	—	
ОБ21	28,6	24,8	29,5	32,7	—	—	
ОБ22	23,4	20,7	24,0	21,6	—	—	

Первый результат – двухфазная форма типовой траектории. Первая половина обучения даёт положительное направление изменений в пяти когортах из шести: выраженный, превышающий порог рост показали ОБ17 (+9,5 п.п.) и ОБ18 (+15,7 п.п.). У ОБ20, ОБ21 и ОБ22 положительные сдвиги остались

¹ Составлено автором.

² Составлено автором.

в пределах порога (+1,8; +2,4; +2,9 п.п.). Исключение составляет ОБ19, вошедший в программу с максимальным среди всех когорт стартовым значением (53,8%) и удерживавший его (снижение ко второму курсу в пределах порога). На третьем курсе направление меняется: снижение показателя фиксируется во всех шести когортах одновременно (от -0,7 до -5,5 п.п. за год). Отдельные годовые сдвиги здесь невелики и сами по себе интерпретации не подлежали бы. Доказательную силу паттерну придаёт однонаправленность – вероятность случайного совпадения знака изменения в шести независимых когортах, набранных в разные годы, пренебрежимо мала. Суммарная эрозия второй половины обучения, от второго курса к выпуску, превышает порог в четырёх когортах: ОБ17 (-5,9 п.п.), ОБ18 (-4,9 п.п.), ОБ19 (-11,4 п.п.), ОБ21 (-5,3 п.п.). Два исключения рассмотрены ниже: ОБ20, сохранявший стабильность показателя на всём протяжении обучения, и ОБ22, восстановившийся на выпускном курсе. Существенно, что перелом наступает синхронно по курсу обучения: у шести когорт замер третьего курса пришёлся на разные календарные годы (от 2020 до 2025) и на резко различающиеся внешние условия, включая пандемийные. Синхронность по курсу обучения при рассинхронизации по календарю позволяет отклонить объяснения через события конкретных лет и связать перелом с самим устройством этапа подготовки: к середине обучения содержание профессии в основных чертах освоено, и академическая среда исчерпывает свой мотивирующий потенциал, тогда как приближение выхода на рынок труда и принятие ролей взрослого актуализируют потребности, опредмечиваемые инструментальным мотивом [Roberts et al. 2005: 166-184].

Второй результат – расхождение траекторий на завершающем этапе. Итог обучения различается по когортам кардинально: от прироста общественно значимых элементов на 10,8 п.п. (ОБ18: 36,1% на входе, 46,9% к выпуску) до потери 13,5 п.п. (ОБ19: 53,8% и 40,3% соответственно). Показательны три контраста. Когорта ОБ19, стартовавшая с наилучшим профилем, завершила снижение ускорением на выпускном курсе (-8,3 п.п. за год) при росте узко-личностных элементов за время обучения на 7,6 п.п. Когорта ОБ22, напротив, после спада на третьем курсе (с 48,3% до 44,2%) вышла на четвёртом курсе на восстановление до 46,1% и завершила обучение с сохранением стартового уровня (+0,7 п.п. в пределах порога) при снижении доли узко-личностных элементов с 23,4% на старте до 21,6% к выпуску (изменение в пределах порога). Когорта ОБ21, обучавшаяся в условиях ослабленного сопровождения, завершила обучение с наименее благоприятным состоянием структуры: 34,4% общественно значимых против 32,7% узко-личностных элементов, сближение показателей, которого не демонстрирует ни одна другая когорта на выпускном срезе. Сопоставление ОБ19 и ОБ22 приводит к содержательно важному выводу: качественный стартовый профиль сам по себе устойчивости не обеспечивает, удержание требует систематического сопровождения на протяжении всего периода подготовки, включая её завершаю-

щую фазу. Описанная динамика наглядно прослеживается на рисунках 1 и 2: общий характер движения на первых курсах схож в большинстве потоков, заметные исключения составляют стартовый максимум ОБ19 на рисунке 1 и ранний рост узко-личностных элементов ОБ20 на рисунке 2, тогда как расхождение траекторий концентрируется на завершающем этапе подготовки.

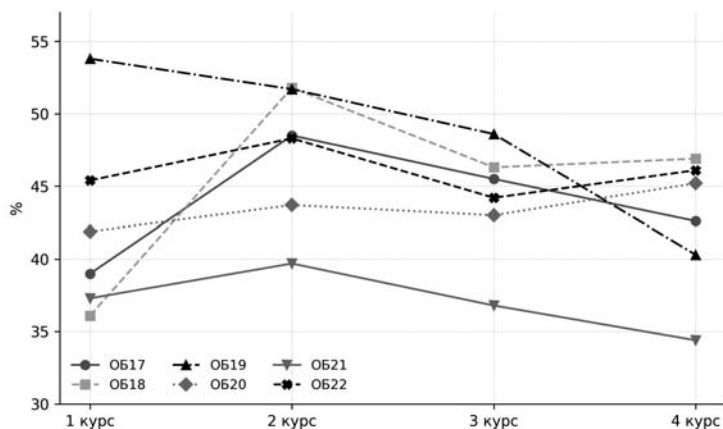

Рисунок 1. Динамика сводного показателя общественно значимых элементов структуры интересов к власти по курсам обучения (по когортам)¹ / Dynamics of the aggregate indicator of socially significant interests in power across years of study (by cohort)

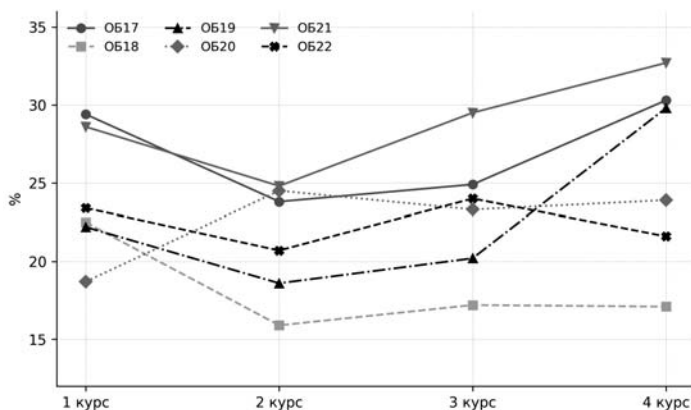

Рисунок 2. Динамика сводного показателя узко-личностных элементов структуры интересов к власти по курсам обучения (по когортам)² / Dynamics of the aggregate indicator of narrow-personal interests in power across years of study (by cohort)

¹ Составлено автором.

² Составлено автором.

Особого внимания заслуживает то, как когорта ОБ22 прошла критическую фазу. Групповые стажировки с финансовым стимулированием выполнили здесь функцию регулятора: потребности, стоящие за инструментальным мотивом и актуализированные принятием ролей взрослого, удовлетворялись внутри образовательной среды, причём в жёсткой последовательности, вознаграждение следовало только за подтверждённой полезностью. Закрываемаемая таким порядком материальная потребность не выходит на верхние позиции иерархии мотивов, и снижается вероятность закрепления того состояния структуры интересов, с которым в литературе связывается коррупциогенный потенциал. Случай ОБ20, единственной когорты, не показавшей выраженной эрозии вовсе, столь же явного объяснения в терминах организационных различий не имеет и удерживается здесь как эмпирическое исключение, заслуживающее внимания при репликации исследования.

Третий результат касается устойчивости профиля, сложившегося к моменту выпуска. У когорты ОБ17 наметившийся на старших курсах рост узколичностных элементов продолжился в профессиональной деятельности: через четыре года после выпуска их доля (38,2%) практически сравнялась с долей общественно значимых (38,5%), а инструментальный мотив впервые за весь период наблюдения занял первое место в иерархии мотивов (27,4%). Когорты ОБ18 и ОБ20, завершившие обучение с устойчивым доминированием общественно значимых элементов, после выпуска сохранили и несколько укрепили его (ОБ18: 46,9% на выпуске, 49,5% через четыре года; ОБ20: 45,2% и 46,9% через два). Когорта ОБ19 через два года после выпуска демонстрирует стабилизацию на сниженном уровне (42,4% против 40,3% на выпуске, изменение в пределах порога) без признаков возврата к стартовому профилю. Постдипломные данные, таким образом, согласованно указывают на инерционность итогового профиля: направление, взятое к моменту выпуска, воспроизводится в первые годы профессиональной деятельности, причём воспроизводится в обе стороны.

Обсуждение. Полученная картина вносит уточнение в представления о месте этапа подготовки в воспроизводстве управленческого корпуса. Срезные исследования, фиксируя удовлетворительный ценностный профиль студентов-управленцев, склоняют к выводу о благополучии этапа. Лонгитудные данные показывают, что благополучие первой половины обучения систематически подвергается эрозии во второй. Критическим этапом обучения выступают старшие курсы: приближение выпуска и необходимость принимать на себя роли взрослого актуализируют инструментальный мотив, тогда как академическая нагрузка и связанное с ней воспитательное воздействие в этот период снижаются.

Сопоставление с данными о действующих руководителях очерчивает рамку интерпретации. Профиль состоявшегося главы города, по А.Е. Чириковой,

характеризуется доминированием мотивации достижения и интереса к делу [Чирикова 2024а]. Траектории, ведущие к такому профилю, проходят через фазу входа в профессию, и именно на этой фазе, как показывают наши данные, решается вопрос о том, какое состояние структуры интересов к власти будет закрепляться дальше. Инерционность, зафиксированная постдипломными замерами, придаёт итоговому состоянию структуры интересов на момент выпуска значение развилки: и благоприятный, и неблагоприятный профили демонстрируют тенденцию к самоподдержанию.

Практическое следствие касается кадровой политики. Пополнение системы публичной власти происходит сегодня двумя основными путями. Первый – конкурсное замещение должностей, при котором оценке подлежат профессиональный уровень и соответствие квалификационным требованиям, тогда как структура интересов к власти кандидата предметом нормативно закреплённой оценки не является. Второй – масштабные кадровые конкурсы: мотивационно-ценностная сфера участника в них оценивается, однако однократно, в моменте, без возможности проследить её динамику и повлиять на неё. Полученные данные указывают на преимущество третьего пути, профильной подготовки будущих управленцев. Она позволяет отбирать абитуриентов с учётом структуры их интересов к власти, наблюдать эту структуру в динамике и целенаправленно воздействовать на неё на всём протяжении обучения, прицельно, на его завершающей фазе. Если эрозия приходится на период, когда академическая среда исчерпывает свой мотивирующий потенциал, то ответ на неё лежит в области коммуникации. На программе он складывается из трёх каналов. Первый – экспертная коммуникация: мастер-классы действующих практиков передают приоритет общественного интереса не как норму, а как условие профессиональной состоятельности, подтверждённое биографией. Второй – разбор профессиональных случаев: анализ карьер, сложившихся удачно и неудачно, показывает, что преобладание инструментального мотива оборачивается издержками для самого управленца, и делает это доводом, а не назиданием. Третий – горизонтальная коммуникация: в совместной работе и совместном времяпрепровождении студенты усваивают образцы друг у друга, и этот канал действует независимо. Общее у трёх каналов то, что они восполняют дефицит именно на старших курсах. Устройство таких технологий воздействия составляет самостоятельный предмет, разрабатываемый автором в рамках более широкого исследования.

Полученные выводы следует читать с учётом ограничений исследования. Первое, локальность базы: наблюдение ведётся на одной образовательной программе одного вуза, и перенос количественных значений на иные совокупности неправомерен. Предметом переноса могут выступать качественные закономерности, двухфазная форма траектории, при которой рост общественно значимых элементов в первой половине обучения сменяется

их эрозией во второй, и инерционность итогового профиля после выпуска, нуждающиеся в проверке на иных базах. Второе, межкогортные сопоставления имеют квазиэкспериментальную природу: когорты различались стартовыми профилями, годами набора и условиями обучения, и вклад образовательного сопровождения в расхождение траекторий не поддаётся строгой изоляции. Вывод о его роли опирается на согласованность системы независимых наблюдений и не сводится к единичному решающему тесту. Случай ОБ20 остаётся для этой интерпретации открытым. Третье, групповой уровень анализа: анонимность, принятая как условие достоверности, исключает индивидуальные траектории, и благоприятная динамика потока совместима с противоположным движением части его участников. Наконец, ипсативная природа шкалы ограничивает арсенал допустимых статистических процедур [Hicks 1970: 167-184]. Принятые правила интерпретации, порог 3-4 п.п., опора на воспроизводимость и однонаправленность, компенсируют это ограничение лишь отчасти.

Заключение. Девятилетнее панельное наблюдение шести студенческих когорт позволяет утверждать следующее. Во-первых, структура интересов к власти у потенциальных политических лидеров динамична на всём протяжении профессиональной подготовки и подчиняется типовой двухфазной траектории: рост либо удержание общественно значимых элементов в первой половине обучения сменяется их эрозией во второй. Перелом объясняется изменением степени академического воздействия на студента по мере движения по учебному циклу: к старшим курсам мотивирующий потенциал образовательной среды в значительной мере исчерпывается, и на первый план выходят потребности, опредмечиваемые инструментальным мотивом. Итоговое состояние структуры при этом складывается под действием факторов, значительная часть которых поддаётся целенаправленному образовательному воздействию. Во-вторых, отбор студентов и удержание у них общественно значимой мотивации представляют собой две самостоятельные задачи кадровой работы: высокий стартовый уровень ориентации на общественные интересы без систематического сопровождения утрачивается, что наиболее наглядно показала траектория когорты ОБ19. В-третьих, систематическое внеаудиторное сопровождение завершающей фазы подготовки, действующее по принципу «полезность предшествует благу», повышает вероятность сохранения общественно значимой структуры интересов к власти на уровне студенческого потока. Действует при этом не сопровождение как таковое, а коммуникация, которую оно организует. Воспроизводимость этого эффекта при вариациях внешних условий даёт основания для переноса подхода на иные программы подготовки управленческих кадров и в практику кадровых конкурсов. Вместе с тем специфика мотивации управленческих акторов на разных уровнях публичной власти и в разных

типах территорий [Чирикова 2024а; 2024б] потребует при таком переносе отдельной эмпирической проверки. Для исследовательской повестки полученные результаты означают необходимость лонгитюдных проверок установленных закономерностей на иных базах и разработки неперсонифицированных индикаторов внутригрупповой неоднородности, совместимых с анонимным дизайном.

Источники

- Ананьев Б.Г. (2001). Человек как предмет познания. СПб.: Питер. 288 с.
- Бурдые П. (2007). О символической власти // Социология социального пространства. М.; СПб. С. 87-96.
- Вилюнас В.К. (1990). Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во Моск. ун-та. 288 с.
- Здравомыслов А.Г. (1986). Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат. 224 с.
- Комиссаров А.Г. (2023). Управление системой конкурсного отбора руководящих кадров в Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук. М. 173 с.
- Ледяев В.Г. (2012). Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Леонтьев А.Н. (1975). Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат. 130 с.
- Макаров А.В., Комар И.В. (2021). Интересы будущих представителей государственного и муниципального управления (по результатам исследований среди студентов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление») // Внутренняя политика и лидерство: сборник научных трудов научно-практической школы политической профессиологии. Выпуск 5. М.: Институт региональных и международных исследований. С. 323-376.
- Макаров А.В., Комар И.В. (2024). Мотивы власти как основа коммуникации и имиджа политического лидера // Коммуникология. Том 12. № 4. С. 133-148. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-4-133-148.
- Орлова И.В., Фокина Л.В., Чернышов Б.А. (2026). Академические ценности в образовательно-коммуникационном пространстве и вызовы новой реальности // Коммуникология. Том 14. № 2. С. 183-198.
- Пызин В.А. (1990). Согласованность интересов субъекта профессиональной политической деятельности: дис. ... канд. социол. наук. М. 189 с.
- Хекхаузен Х. (1986). Мотивация и деятельность / Пер. с нем., ред. Б.М. Величковского, Л.И. Анцыферовой. М.: Педагогика. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 392 с.
- Чирикова А.Е. (2024а). Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов // Вестник Института социологии. Том 15. № 1. С. 165-183.
- Чирикова А.Е. (2024б). Главы малых российских городов: можно ли войти в одну реку дважды? // Власть и элиты. Том 11. № 1. С. 105-154.
- Шарков Ф.И. (2023). Коммуникология: основы теории коммуникации: учебник. 7-е изд. М.: Дашков и К. 488 с.
- Шестопал Е.Б. (2018). Политическая психология. 5-е изд. М.: Аспект Пресс.
- Ядов В.А. (2013). Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расш. изд. М.: ЦСПиМ. 376 с.
- Frank L.K. (1939). Projective methods for the study of personality. Journal of Psychology. Vol. 8. P. 389-413.
- Hicks L.E. (1970). Some properties of ipsative, normative, and forced-choice normative measures. Psychological Bulletin. Vol. 74. No. 3. P. 167-184. DOI: 10.1037/h0029780.

Roberts B.W., Wood D., Smith J.L. (2005). Evaluating Five Factor Theory and Social Investment Perspectives on Personality Trait Development. *Journal of Research in Personality*. Vol. 39. No. 1. P. 166-184.

Ross L., Greene D., House P. (1977). The «False Consensus Effect»: An Egocentric Bias in Social Perception and Attribution Processes. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 13. No. 3. P. 279-301.

Thurstone L.L. (1927). A Law of Comparative Judgment. *Psychological Review*. Vol. 34. No. 4. P. 273-286.

■ ■ ■ Interests in power: structure and communication aspects

Makarov A.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Abstract. The article examines the structure of interests in power among students preparing for careers within the system of public authority, and the communicative conditions in which this structure takes shape. Educational influence does not reach the student directly: classroom and extracurricular formats convey particular meanings – through expert communication with practitioners, the analysis of professional cases, feedback, and horizontal communication in joint activity. The study aims to establish how the balance of power motives and social orientations of potential political leaders changes in the course of training and in subsequent professional activity, and which communication formats are associated with retaining the socially significant component of this structure. The author's definition of interest in power is presented, and the two-component structure of the category, combining power motives and social orientations, is substantiated. The empirical basis is a panel longitudinal study of 2017-2026 conducted within a bachelor's programme in «State and Municipal Administration» (profile «Domestic Policy and Leadership»): six successive cohorts, 360 respondents, the method of paired comparisons. Nine years of observation show that the structure of interests in power does not remain constant: the growth of socially significant elements in the first half of training gives way to their erosion in the second, while the profile formed by graduation is reproduced in the first years of professional activity.

Keywords: interests in power, power motives, social orientations, educational communication, communication technologies in personnel training, professional socialization, longitudinal study, method of paired comparisons

For citation: Makarov A.V. Interests in power: structure and communication aspects // *Communicology*. 2026. Vol. 14. No. 3, pp.22-37. DOI 10.21453/2311-3065-2026-14-3–22-37.

Inf. about the author: Makarov Andrey Viktorovich – administrator of the program «Domestic Policy and Leadership», lecturer at the Faculty of State and Municipal Administration of the Institute of Public Administration and Management, RANEPA. ORCID: 0009-0002-0571-403X. E-mail: makarov-anv@ranepa.ru. Address: 119571, Russia, Moscow, Vernadsky av., 82/1.

Received: 23.07.2026. *Accepted:* 16.09.2026.

References

- Ananyev B.G. (2001). *Man as a Subject of Knowledge*. SPb.: Piter (in Rus.).
- Bourdieu P. (2007). On symbolic power. In: *Sociology of Social Space*. M.; SPb, pp. 87-96 (in Rus.).
- Chirikova A.E. (2024a). Power in small Russian towns: managerial problems and the motivation of actors. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 15. No. 1, pp. 165-183 (in Rus.).
- Chirikova A.E. (2024b). Heads of small Russian towns: can one step into the same river twice? *Power and Elites*. Vol. 11. No. 1, pp. 105-154 (in Rus.).
- Frank L.K. (1939). Projective methods for the study of personality. *Journal of Psychology*. Vol. 8, pp. 389-413.
- Heckhausen H. (1986). *Motivation and Activity* / Translated from German, ed. B.M. Velichkovsky, L.I. Antsyferova. M.: Pedagogy (in Rus.).
- Hicks L.E. (1970). Some properties of ipsative, normative, and forced-choice normative measures. *Psychological Bulletin*. Vol. 74. No. 3, pp. 167-184. DOI: 10.1037/h0029780.
- Komissarov A.G. (2023). Managing the competitive selection system for executive personnel in the Russian Federation. *Cand. Sci. (Economics) diss. M.* (in Rus.).
- Ledyayev V.G. (2012). *Sociology of Power. Theory and Experience of Empirical Research of Power in Urban Communities*. M.: HSE Publishing House (in Rus.).
- Leontiev A.N. (1975). *Activity, Consciousness, Personality*. M.: Politizdat (in Rus.).
- Makarov A.V., Komar I.V. (2021). Interests of future representatives of state and municipal administration (based on the results of research among students majoring in «State and Municipal Administration»). In: *Domestic Policy and Leadership: Coll. of Scientific Papers of the Scientific and Practical School of Political Professionology*. Issue 5. M.: Institute for Regional and International Studies (in Rus.).
- Makarov A.V., Komar I.V. (2024). Motives of power as the basis for communication and image of a political leader. *Communicology (Russia)*. Vol. 12. No. 4, pp. 133-148. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-4-133-148 (in Rus.).
- Orlova I.V., Fokina L.V., Chernyshov B.A. (2026). Academic values in the educational and communication space and the challenges of the new reality. *Communicology (Russia)*. Vol. 14. No. 2, pp. 183-198 (in Rus.).
- Pyzin V.A. (1990). The Congruence of Interests of a Subject of Professional Political Activity. *Cand. Sci. (Sociology) diss. M.* (in Rus.).
- Roberts B.W., Wood D., Smith J.L. (2005). Evaluating Five Factor Theory and Social Investment Perspectives on Personality Trait Development. *Journal of Research in Personality*. Vol. 39. No. 1, pp. 166-184.
- Ross L., Greene D., House P. (1977). The «False Consensus Effect»: An Egocentric Bias in Social Perception and Attribution Processes. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 13. No. 3, pp. 279-301.
- Sharkov F.I. (2023). *Communicology: Fundamentals of Communication Theory*. 7th ed. M.: Dashkov & Co (in Rus.).
- Shestopal E.B. (2018). *Political Psychology*. 5th ed. M.: Aspekt Press (in Rus.).
- Thurstone L.L. (1927). A Law of Comparative Judgment. *Psychological Review*. Vol. 34. No. 4, pp. 273-286.
- Vilyunas V.K. (1990). *Psychological Mechanisms of Human Motivation*. M.: Moscow University Publ. (in Rus.).
- Yadov V.A. (2013). *Self-Regulation and Prediction of Individual Social Behavior: A Dispositional Concept*. 2nd ed. M.: TsSPiM (in Rus.).
- Zdravomyslov A.G. (1986). *Needs. Interests. Values*. M.: Politizdat (in Rus.).